В ОЧЕРК ВОПРОСЪ РЕВОЛ. ДѢЛА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ19
Ч 481

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

2400

446.

Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній.
Часть LII. Мар. 1,50.

ЦГ 19
Ч 481

Черновъ

ОЧЕРЕДНОЙ ВОПРОСЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДѢЛА.

Eine aktuelle Frage der Revolution.
Une question actuelle de la révolution.

БЕРЛИНЪ 1903.
Изданіе Гуго Штейница.

BERLIN 1903.
Hugo Steinitz Verlag.

1,50 2-40 1903
23.III.12

ОЧЕРЕДНОЙ ВОПРОСЪ

революціоннаго дѣла.

Ц Г19
Ч 481

Чернов, В.

ОЧЕРЕДНОЙ ВОПРОСЪ

РЕВОЛЮЦІОННАГО ДѢЛА.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

2экз

К.

ЦГ19
4 481

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
0/0/9
26 412913 7

У
81
2010

Девяностые годы знаменуютъ собою возрожденіе широкаго общественнаго движенія въ Россіи, точно такъ же, какъ 80-ые знаменовали собой усталость, апатію, разочарованіе, — естественное слѣдствіе неудачи революціонной борьбы, которую не съумѣло довести до конца обнаружившее недостаточную политическую зрѣлость общество.

Движеніе 70-хъ гг., несмотря на тотъ короткій промежутокъ времени, который оно занимало, успѣло перепробовать всѣ средства борьбы и подвергнуть тяжелому испытанію опыта всѣ революціонныя силы, заключавшія въ русскомъ обществѣ того времени. Движеніе началось съ работы среди рабочихъ и крестьянъ, т. е. съ знаменитой эпохи „хожденія въ народъ". Пробовали натискомъ интеллигентныхъ революціонныхъ силъ на деревню и фабрику разбудить тамъ и здѣсь дремлю-

щіе, несознанные, но, какъ казалось, достаточно подготовленные жизненнымъ гнетомъ революціонные инстинкты народныхъ массъ. Полагали даже, что историческія революціонныя традиціи временъ казачества, Разина и Пугачева, не умерли въ народѣ, что подъ пепломъ наружной покорности и безгласности въ немъ тлѣетъ та искра, которую можно и должно раздуть въ большой революціонный пожаръ. Съ другой стороны, глубоко вѣрили въ могучее дѣйствіе пламеннаго, убѣжденнаго слова, въ всепокоряющую правоту, ясность и неотразимость евангелія международнаго соціализма. Горькій опытъ быстро отрезвилъ революціонеровъ, показалъ всю трудность пропаганды въ народѣ и заставилъ идти по болѣе вѣрному, но за то и болѣе медленному пути: отъ революціоннаго „хожденія въ народъ“ обратиться къ революціоннымъ „поселеніямъ въ народѣ“. Но въ то же время историческій фатумъ выдвинулъ новый вопросъ, вскорѣ сдѣлавшійся для революціонеровъ вопросомъ жизни или смерти. Репрессаліи правительства грозили совершенно стереть съ лица земли русской всю тогдашнюю, сравнительно крайне немногочисленную рево-

люціонную интеллигенцію. Подъ ударами грознаго врага этотъ авангардъ революціоннаго движенія поневолѣ долженъ былъ сойти съ широкаго поприща революціонной пропаганды въ массахъ, сосредоточиться, сомкнуться, до извѣстной степени даже законспироваться отъ внѣшняго міра и вступить на путь тайныхъ заговоровъ и террористическихъ актовъ. Эта была борьба за существованіе, неумолимый законъ которой противъ воли заставлялъ борцевъ отвлекаться отъ болѣе широкихъ плановъ организаціи народной соціально-революціонной силы и вступить одинъ на одинъ въ борьбу съ правительствомъ за самую возможность жить и дѣйствовать въ соціально-революціонномъ смыслѣ. На первый планъ выступилъ вопросъ о политической свободѣ, причемъ въ этомъ пунктѣ, рядомъ съ соціалистами, но независимо отъ нихъ попробовали съорганизоваться и предъявить правительству свои требованія и политическіе либералы.

Борьба на первый разъ оказалась неравной. Правительство побѣдило, всѣ его противники или пали въ борьбѣ, или покорно склонили голову. Русское общество въ его

цѣломъ оказалось недостаточно созрѣвшимъ въ соціально-политическомъ смыслѣ, чтобы вырваться изъ-подъ опеки самодержавнаго бюрократизма.

Блестящая, героическая эпоха крайняго напряженія революціонныхъ силъ въ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. оставила намъ, своимъ преемникамъ, лишь о п ы т ъ борьбы съ врагомъ всевозможными средствами: опытъ революціонной организаціи крестьянства для завоеванія земли (чигиринская тайная дружина), опытъ рабочихъ организацій (дѣло въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, сѣверно-русскій рабочій союзъ, южно-русскій рабочій союзъ, организація рабочихъ партіи Народной Воли), опытъ соціально-революціонной пропаганды среди сектантовъ (Ковальскій, Брешковская, Степнякъ и др.), опытъ заговорщическихъ кружковъ въ войскѣ (военная организація партіи Народной Воли), опытъ террористической организаціи (грозный „Исполнительный Комитетъ“) — и даже опытъ организаціи политическихъ либераловъ („Земскій Союзъ“).

Весь этотъ историческій опытъ русскаго революціоннаго движенія можетъ быть использованъ нынѣ, когда за историческимъ отли-

вомъ послѣдовала волна новаго историческаго прилива. Методы агитаціи и пропаганды въ средѣ того или другого общественнаго слоя, чисто-конспиративная выработка, типы революціонныхъ организацій, степень отзывчивости различныхъ общественныхъ элементовъ, отчасти величина ихъ силы, и, наконецъ, величина силы самого правительства — все это взвѣшено предшествующей борьбой, итоги которой подвести не трудно. Въ то время, какъ дѣятели 70-хъ годовъ были піонерами революціоннаго дѣла, искавшими ощупью правильныхъ путей, — дѣятели нашего десятилѣтія выступили во всеоружіи богатаго духовнаго наслѣдства предшествовавшихъ революціонныхъ поколѣній.

Девяностые годы выступили наслѣдниками семидесятыхъ. Вполнѣ естественно, что тотъ родъ дѣятельности, который оказался наиболѣе успѣшнымъ, судя по опыту прежнихъ лѣтъ, тотъ, который при наименьшей затратѣ силъ далъ въ свое время наибольшіе (хотя все таки недостаточные) результаты, а именно пропаганда среди городскихъ рабочихъ — первымъ возродился въ 90-ые гг. Дѣятельность народовольческихъ кружковъ, затѣмъ

преимущественно соціалъдемократовъ, а въ послѣднее время также соціалистовъ-революціонеровъ попала на почву, еще болѣе благодарную, чѣмъ въ 70-ые годы. Съ тѣхъ поръ, конечно, много воды утекло, промышленное развитіе Россіи далеко подвинулось впередъ, численность рабочаго класса сильно возрасла, онъ значительно дифференцировался отъ другихъ общественныхъ слоевъ, пріобрѣлъ своеобразную соціально-политическую физіономію и обнаружилъ въ рядѣ самостоятельно, стихійно зародившихся стачекъ и волненій свою боевую способность.

Вслѣдъ затѣмъ постепенно начали возрождаться одинъ за другимъ и всѣ прочіе способы революціонной работы; какъ естественное дополненіе къ нимъ, появилась соотвѣтственная литература, соотвѣтственные проэкты программъ и т. д. Въ настоящее время у насъ есть революціонныя группы самаго разнообразнаго характера. У однихъ центръ тяжести программы и дѣятельности лежитъ въ экономической организаціи городскихъ рабочихъ для классовой борьбы съ хозяевами на почвѣ насущныхъ хозяйственныхъ интересовъ данной минуты; у другихъ — въ чисто-

конституціонной агитаціи среди либеральныхъ и вообще культурныхъ слоевъ русскаго общества; у третьихъ — въ проповѣди толстовско-анархическихъ идей среди сектантовъ; у четвертыхъ — въ литературной и устной пропагандѣ, спеціально приспособленной для военныхъ, у пятыхъ — въ пропагандѣ необходимости террористической борьбы и въ подготовленіи къ ней. Словомъ, въ настоящее время, какъ и прежде, пробуютъ опереться на всевозможные общественные элементы, извлечь отовсюду возможно большее число лицъ и группъ, способныхъ служить дѣлу соціализма и революціи; что же касается общественныхъ слоевъ, по своему положенію и характеру наиболѣе способныхъ отозваться на пропаганду, то среди нихъ пробуютъ работать систематически, содѣйствуя росту ихъ самосознанія, сплоченности, способности понимать свои интересы и самостоятельно бороться за нихъ. Въ связи съ этимъ заграницей и въ Россіи выходятъ цѣлыя серіи книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, приспособленныхъ къ уровню развитія, потребностямъ, интересамъ каждой изъ тѣхъ общественныхъ группъ, на которыя пытаются

дѣйствовать въ соціально-революціонномъ смыслѣ.

Одинъ только общественный элементъ слишкомъ долгое время оставался обойденнымъ и забытымъ — это многомилліонное русское крестьянство. Въ дѣлѣ возрожденія революціонной работы остается сдѣлать еще этотъ послѣдній шагъ — возобновить работу среди крестьянства, воспользовавшись всѣми указаніями опыта русскаго революціоннаго „хожденія въ народъ“, равно какъ и попытокъ вести агитацію и пропаганду въ крестьянской средѣ со стороны соціалистическихъ рабочихъ партій Западной Европы.

Какія возможны возраженія противъ необходимости сдѣлать этотъ шагъ?

Прежде всего можетъ явиться вопросъ — стоитъ ли вообще соціалистамъ заниматься крестьянствомъ? Не является ли крестьянство по самому существу своему силой реакціонной, обреченной вѣчно стремиться лишь къ тому, чтобы „поворотить назадъ колесо исторіи“? Не является ли его естественной участью — разложеніе и гибель, не будутъ ли попытки соціалистической пропаганды среди него — попытками „гальванизировать

трупъ"? Не лучше ли подождать пролетаризаціи крестьянства, которая представляетъ для него необходимую переходную ступень, ведущую къ соціализму?

Такое мнѣніе долго являлось широко распространеннымъ среди дѣятелей Западно-Европейскаго соціализма. Оно было въ особенности навѣяно событіями 1847—48 гг., когда недоразумѣнія между тружениками города и деревни, индустріи и земледѣлія, разрослись до необычайныхъ размѣровъ и дали возможность реакціоннымъ партіямъ, опираясь на крестьянство, подавить рабочее движеніе. То же самое, хотя въ меньшей степени, повторилось и въ 1870 г., когда индифферентизмъ и недовѣрчивость крестьянъ къ дѣлу коммуны позволили ея врагамъ восторжествовать и составить для буржуазнаго правительства знаменитое „деревенское большинство". И только съ начала 90-хъ годовъ туманъ начинаетъ мало по малу разсѣиваться и соціалистическая пропаганда среди крестьянъ начинаетъ дѣлать годъ отъ году все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи.

Пока господствовало среди дѣятелей соціализма недовѣріе и даже полу-враждебное от-

ношеніе къ крестьянству, для нихъ естественно было въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, возлагать всѣ свои надежды на быстрые успѣхи капитализма и на безсознательное подготовленіе имъ элементовъ будущаго соціалистическаго строя. Къ этому принуждало общее положеніе дѣлъ, и немудрено, что это время было временемъ нѣсколько преувеличенной оцѣнки положительнаго, творческаго вліянія земледѣльческаго капитализма. Аграрный кризисъ съ одной стороны и начинающееся соціально-политическое пробужденіе западно-европейскаго крестьянства съ другой — заставили выработать болѣе трезвое, зрѣлое и отвѣчающее дѣйствительности пониманіе аграрнаго вопроса. Первый шагъ въ этомъ направленіи (если не считать маленькой группы румынскихъ соціалистовъ) былъ сдѣланъ французской рабочей партіей, руководимой Гэдомъ и Лафаргомъ. Ихъ опытъ приспособленія соціалистической программы и тактики къ деревенскимъ условіямъ былъ первымъ и потому особенно труднымъ. Неудивительно, что сразу они не нашли вполнѣ и безукоризненно-правильнаго рѣшенія вопроса. Фр. Энгельсъ

въ свое время отмѣтилъ нѣкоторые слабые пункты ихъ аграрной программы, въ то же время одобривъ въ принципѣ ихъ попытку создать союзъ между малоземельнымъ крестьянствомъ и городскимъ пролетаріатомъ. Онъ указалъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на практику датской рабочей партіи, у которой центромъ тяжести ея дѣятельности въ деревнѣ было развитіе сельско-хозяйственной кооперації рабочихъ при соединеніи ихъ парцеллярныхъ владѣній въ общественную, коллективную собственность. Коллективизмъ, такимъ образомъ, прививался крестьянамъ снизу, въ отличіе отъ того способа „обобществленія труда сверху“, которое осуществляется капитализмомъ. Въ этомъ направленіи далѣе развивали аграрную программу съ успѣхомъ рабочія партіи Бельгіи и Голландіи съ Вандервельдомъ и Флигегеномъ*) во главѣ. Ими особенно отчетливо формулирована новая точка зрѣнія, которая сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему. Капитализмъ въ

*) Теперь слѣдуетъ упомянуть еще чрезвычайно содержательную работу австрійскаго соціальдемократа Фр. Отто Гертца.

земледѣліи менѣе, чѣмъ въ какой либо другой отрасли производства, развиваетъ свои положительныя стороны и болѣе, чѣмъ въ какой либо другой — отрицательныя. Нѣтъ такого историческаго закона, согласно которому во всякой отрасли производства соціалистическая ея организація возможна лишь какъ продуктъ предъидущаго капиталистическаго развитія. Нѣтъ такого историческаго закона, согласно которому непосредственные производители во всякой отрасли производства должны сначала пройти черезъ своего рода чистилище — состояніе пролетаріата — для того, чтобы войти въ элизіумъ соціалистическаго строя. Для извѣстной части непосредственныхъ производителей, для извѣстныхъ отраслей производства возможенъ и болѣе непосредственный переходъ, идущій черезъ развитіе общественной собственности всякаго рода — въ томъ числѣ и сельской общинной — къ націонализаціи земли, и черезъ кооперацію къ соціализму.

Въ томъ же направленіи развивалась соціалистическая мысль и въ другихъ странахъ. Въ Италіи это теченіе мысли отразилось до извѣстной степени въ докладѣ Джероламо

Гатти Болонскому соціальдемократическому конгрессу и въ трудахъ Луиджи Эйноди; въ Германіи — оно восторжествовало среди баварскихъ соціальдемократовъ и нашло откликъ въ проэктѣ извѣстной аграрной программы, выработанномъ особой комиссіей, въ составъ которой входили Бебель, Либкнехтъ, Фольмаръ, Давидъ, Молькенбуръ и др. Въ Австріи вопросъ объ аграрной программѣ стоитъ на очереди; русинскія группы Павлика и Франко и польская соціальдемократія, стоящая подъ руководствомъ Дашинскаго, находятъ возможнымъ опираться на крестьянство и защищать его интересы, не дожидаясь его пролетаризаціи. Въ Венгріи, гдѣ, при слабо развитой индустріи, казалось, не было почвы для соціальдемократіи, неожидано для правящихъ классовъ начало развиваться сильное аграрно-соціалистическое движеніе; крестьянскія волненія въ Сициліи и Румыніи представили въ высшей степени благопріятную почву для соціалистической агитаціи. Про Данію мы уже упоминали. Словомъ, во всѣхъ странахъ за послѣднее время аграрный вопросъ сдѣлался или дѣлается однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современности и открываетъ

Библиотека Института Ленина при ЦК Р.К.П. (б.)

Ц 12913.

для соціализма новые горизонты и новыя поприща для борьбы. Говорить о безнадежной отсталости и реакціонности крестьянства, объ его „анти-коллективистскомъ черепѣ“, неподдающемся никакой пропагандѣ — становится все болѣе и болѣе анахронизмомъ.

Могутъ быть приведены, однако, и другія возраженія. Намъ могутъ сказать, что одно дѣло — Европа, другое — Россія. „Въ Европѣ уже существуетъ политическая свобода, тамъ широко развито въ народныхъ массахъ образованіе, сознаніе личной самостоятельности, и т. д. Наше же крестьянство коснѣетъ въ невѣжествѣ, доходящемъ до чисто-первобытной грубости, а полицейскія условія въ деревнѣ неблагопріятнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Не доказалъ ли опытъ народническаго движенія, что въ деревнѣ революціонеръ безсиленъ сдѣлать что бы то ни было? Развѣ удавалось ему своими пламенными рѣчами добиться какого нибудь другого результата, кромѣ того, что обожаемые имъ мужички скручивали ему руки за спину и представляли его въ такомъ видѣ на становую квартиру?“

Эти рѣчи вполнѣ естественны, какъ про-

дуктъ разочарованія, реакціи послѣ преувеличенныхъ надеждъ, возлагавшихся въ старыя времена на крестьянина, котораго иные даже представляли себѣ „инстинктивнымъ революціонеромъ“ по природѣ (см. въ особенности у П. Н. Ткачева). Дѣйствительно, опытъ 70-хъ гг. въ концѣ концовъ не увѣнчался успѣхомъ. Но точно также не увѣнчался достаточно широкимъ успѣхомъ и опытъ дѣятельности въ рабочей средѣ того времени. Значитъ ли это, что и въ рабочей средѣ революціонная дѣятельность невозможна? Нѣкоторые такъ и думали, утверждая, что раньше надо добыть политическую свободу, а потомъ идти къ рабочимъ, ибо безъ политической свободы организація рабочаго класса совершенно невозможна. И при этомъ также ссылались на опытъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. При этомъ забывали только одно, а именно — что жизнь не стоитъ вѣчно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Россія 90-хъ гг. уже далеко не та, что Россія 60-хъ и 70-хъ. Не тотъ теперь рабочій, не тотъ и крестьянинъ. Не забудемъ, что революціонеры 70-хъ гг. имѣли дѣло съ тѣмъ крестьянскимъ поколѣніемъ, которое воспиталось въ атмосферѣ рабства,

далеко не благопріятствовавшій развитію чувства собственнаго достоинства, развитію самостоятельной мысли и личной иниціативы. Кромѣ того, эти люди еще слишкомъ недавно были освобождены отъ ужасовъ крѣпостного права, и, несмотря на всѣ бѣдствія надвигавшейся экономической необезпеченности, могли до извѣстной степени свободно вздохнуть, съ чувствомъ живого облегченія и съ надеждой на будущее. Наконецъ, они были освобождены царскою милостью, и — какъ естественно было для нихъ думать — только этою милостью. Реальныя, исторически-необходимыя причины освобожденія были отъ нихъ скрыты; они видѣли только безсильную злобу помѣщиковъ-крѣпостниковъ, и потому тѣмъ болѣе благоговѣли передъ рѣшеніемъ царя, представлявшагося имъ единственнымъ ихъ доброжелателемъ, отцомъ-заступникомъ. Если условія освобожденія и не могли удовлетворить крестьянъ, то вѣдь не все же дѣлается сразу: въ будущемъ они могли ожидать дальнѣйшихъ милостей, новаго надѣленія землей, новой, настоящей воли. Это настроеніе было настолько сильно, что, какъ извѣстно, въ массѣ мѣстностей крестьяне, не-

смотря ни на что, упорно приписывали убійство Александра II помѣщикамъ, будто бы желавшимъ отомстить за освобожденіе крестьянъ или помѣшать новому надѣленію крестьянъ землею.

Своеобразно было настроеніе крестьянъ, не менѣе своеобразно было и настроеніе самихъ революціонеровъ. Ихъ энтузіазмъ, высокій идеализмъ, самоотверженность и преданность дѣлу стояли, конечно, внѣ и выше всякаго сомнѣнія. Но въ ихъ распоряженіи не было ни той массы экономическихъ и статистическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ мы теперь черпаемъ наши свѣдѣнія о деревнѣ, ни той массы работъ по крестьянскому обычному праву, ни, наконецъ, той массы беллетристическихъ и полубеллетристическихъ трудовъ, которыя, какъ напр. сочиненія Гл. Успенскаго, Златовратскаго, Каронина у др., всесторонне рисуютъ намъ народную психологію, народное настроеніе, завѣтныя чувства и думы народа. Все это изученіе народной жизни — дѣло какихъ нибудь послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Народники-революціонеры 70-хъ гг. не могли, такимъ образомъ, отправляться въ своей дѣятельности отъ точ-

наго знанія и пониманія народной жизни. Ихъ отправной точкой было не знаніе, а вѣра. Крестьянинъ былъ для нихъ загадочнымъ, мистическимъ существомъ, которое они могли свободно надѣлять всѣми тѣми свойствами, которыя подсказывало оптимистически настроенное воображеніе и жажда скорѣйшаго соціально-политическаго переворота. При такихъ условіяхъ были неизбѣжны и преувеличенныя надежды, и чрезмѣрная идеализація, естественнымъ плодомъ которыхъ должно было явиться впослѣдствіи столь же преувеличенное разочарованіе, столь же чрезмѣрное стремленіе развѣнчать прежняго идола крестьянство.

И все таки, не взирая на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, опытъ народнической пропаганды давалъ во многихъ мѣстахъ относительно весьма благопріатные результаты. Онъ доказалъ, что деревня — не порохъ, въ который достаточно лишь бросить революціонную искру, чтобы вызвать грозный взрывъ народнаго гнѣва противъ его угнетателей; но онъ доказалъ также, что русскій крестьянинъ, какъ и западно-европейскій, а въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе, чѣмъ западно-европейскій — воспріимчивъ къ дѣльной и умѣлой революціонной пропагандѣ и не обладаетъ „анти-коллективистскимъ черепомъ“. Къ сожалѣнію, въ наше время нерѣдко предпочитаютъ знакомиться съ ходомъ и результатами „хожденія въ народъ“ по „Нови“ Тургенева, чѣмъ обращаться къ личнымъ воспоминаніямъ пропагандистовъ-народниковъ, къ періодическимъ изданіямъ той эпохи и т. п. историческимъ матеріаламъ, мирно лежащимъ въ архивахъ подъ слоями пыли. Отсюда и ходящее, вульгарное представленіе о пропагандистахъ, которымъ мужики чуть ли не повсемѣстно связывали руки за спину, сажали въ „холодную“ и доставляли къ становому. . . .

Если это вульгарное представленіе является грубо-ошибочнымъ даже по отношенію къ тому времени, то тѣмъ болѣе несостоятельно оно теперь. Со времени 70-хъ гг. многое измѣнилось въ деревнѣ. Выросло новое поколѣніе, не знавшее крѣпостного рабства и отчасти прошедшее черезъ сельскую школу; для него утратило яркость и свѣжесть красокъ благодѣяніе „Царя Освободителя“, и

наоборотъ — во всей своей горькой реальности выступили послѣдствія этого историческаго компромисса: малоземелье, выкупная и податная тягость, на мѣсто прежней юридической зависимости отъ помѣщиковъ — экономическая зависимость, при общемъ политическомъ и юридическомъ безправіи, мало уступающемъ прежнему. Для новаго поколѣнія деревни не прошли даромъ ни голодовки, ни мѣры внутренней политики, вродѣ введенія института земскихъ начальниковъ. Оно устало до безконечности ждать „новой воли“, устало надѣятся на царя, — и въ самомъ дѣлѣ, пресловутый старый „царизмъ“ играетъ все меньшую и меньшую роль въ стихійныхъ движеніяхъ послѣдняго времени. . . . Между тѣмъ аграрныя отношенія все болѣе и болѣе обостряются, учащаются стихійные бунты и отдѣльныя аграрныя преступленія, уже съ годъ тому назадъ обратившіе на себя самое серьезное вниманіе правительства и вызвавшіе съ его стороны извѣстный секретный циркуляръ губернаторамъ *). Учащают-

*) Недавно къ нему прибавился подобный же циркуляръ Кіевскаго генералъ-губернатора Драгомірова.

ся и столкновенія съ администраціей на почвѣ стремленія крестьянъ отстоять самостоятельность міра въ его дѣлахъ противъ покушеній на эту самостоятельность со стороны земскихъ начальниковъ и подчиненныхъ имъ властей. Общій умственный подъемъ и ростъ самосознанія народа не подлежитъ никакому сомнѣнію; новыя теченія замѣтны и въ хозяйственной области, и въ стремленіи къ образованію, къ книгѣ, къ саморазвитію. На почвѣ этого интеллектуальнаго подъема можно ожидать перехода стихійныхъ бунтовъ, сопротивленій властямъ и аграрныхъ преступленій въ болѣе сознательную и систематическую аграрную борьбу, съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ враждебнымъ отношеніемъ ко всему современному режиму. Въ одной изъ мѣстностей Великороссіи уже образовалось крестьянское революціонное „братство“, уставъ котораго напечатанъ „союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ“. Съ другой стороны, какъ видно изъ изданій русскихъ соціальдемократовъ, въ одной изъ южныхъ мало-русскихъ губерній проявляется агитаціонная дѣятельность революціонной „группы сельскихъ работниковъ“. Все это, быть

можетъ, первыя ласточки приближающейся весны.

Неудача движенія въ народъ 70-хъ гг. такимъ образомъ не можетъ быть аргументомъ противъ возобновленія революціонной работы, имѣющей своимъ объектомъ деревню. Эта работа должна возобновиться, только въ болѣе зрѣлыхъ и болѣе соотвѣтствующихъ времени формахъ.

Но здѣсь намъ можетъ быть сдѣлано еще и другое возраженіе. Соціалистическое движеніе въ Россіи еще недостаточно сильно даже въ городахъ; остается еще слишкомъ много дѣла тамъ, у фабричныхъ станковъ. Не лучше ли сосредоточить на этомъ дѣлѣ всѣ свои силы? Стоитъ ли, выгодно ли такъ разбразываться? А если въ городахъ еще такъ много дѣла, и если работать тамъ легче, чѣмъ въ деревнѣ, то своевременно ли, въ видахъ экономіи силъ, ставить на очередь вопросъ о революціонной работѣ среди крестьянства?

И это возраженіе также устраняется при болѣе пристальномъ взглядѣ на дѣло. Русская индустрія, слабо развитая относительно громаднаго пространства и народа-населенія

имперіи, представляется въ территоріальномъ отношеніи довольно сильно сконцентрированной, скученной въ опредѣленныхъ районахъ. Что же касается интеллигентныхъ силъ русской революціи, то онѣ, прежде всего, не могутъ переноситься по произволу изъ одной мѣстности въ другую и концентрироваться какъ разъ въ мѣстахъ наиболѣе легкой и производительной работы. Онѣ находятся въ зависимости отъ экономической борьбы за существованіе и вынуждены распредѣляться въ территоріальномъ отношеніи соотвѣтственно спросу на интеллигентный трудъ. Кромѣ того, правительство тщательно охраняетъ наиболѣе оживленные промышленные районы отъ вторженія въ нихъ лицъ, политическая благонадежность которыхъ недостаточно гарантирована. Далѣе, заподозрѣнные въ неблагонадежности рабочіе обыкновенно препровождаются въ административную ссылку, подъ надзоръ полиціи, по деревнямъ, гдѣ невольно соприкасаются съ крестьянами. Кромѣ того, многіе рабочіе и безъ того находятся въ тѣсной связи съ деревней, появляясь на фабрикѣ лишь на время и служа со своимъ заработкомъ лишь подсобнымъ

средствомъ существованія тѣхъ крестьянскихъ семей, неразрывною частью которыхъ они остаются попрежнему. Съ другой стороны, усложнившіяся условія хозяйственной жизни выводятъ крестьянъ изъ ихъ изолированности и ставятъ ихъ въ ту или иную связь съ городомъ и его обитателями. Благодаря совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ и становится возможнымъ распространить районъ революціоннаго воздѣйствія и на деревни, безъ всякаго новаго „хожденія въ народъ“ и безъ всякихъ спеціальныхъ „поселеній въ народѣ“, а также — что особенно важно — безъ всякаго искусственнаго отвлеченія силъ отъ городовъ, въ ущербъ фабрично-заводскому рабочему дѣлу. Напротивъ, существуетъ масса положеній, въ которыхъ на выборъ предстоятъ лишь два пути: или работа среди не-пролетарскихъ элементовъ — мелкихъ крестьанъ, ремесленниковъ, кустарей и т. п., — или почти полная бездѣятельность. Уже и сейчасъ въ предѣлахъ Россійской имперіи есть такіе городскіе центры, гдѣ наблюдается положительное п е р е п р о и з в о д с т в о революціонной интеллигенціи. Мѣстныя условія не представ-

ляютъ достаточно широкаго поприща для примѣненія ея силъ, при слабо развитой индустріи рабочее движеніе не можетъ поглотить ихъ всецѣло, а перешагнуть черезъ узкія рамки города, завести связи съ деревней — не хватаетъ иногда иниціативы, иногда вѣры въ возможность и продуктивность такой работы.

Наконецъ, существуетъ очень многочисленный разрядъ интеллигентныхъ людей — напр., сельскій учительскій или медицинскій персоналъ, служащіе во владѣльческихъ экономіяхъ, отчасти юридическій персоналъ мелкихъ уѣздныхъ и частью губернскихъ городовъ, агрономическіе и т. п. служащіе земствъ — которые по самому своему положенію, по роду своихъ занятій становятся нерѣдко въ самою непосредственную связь съ крестьянскимъ населеніемъ. Конечно, преобладающимъ элементомъ во всѣхъ почти этихъ должностяхъ являются или не болѣе, какъ чиновники съ ногъ до головы, или же скромные культурные дѣятели, желанія которыхъ не идутъ дальше непосредственной посильной помощи народу въ его ближайшихъ, повседневныхъ житейскихъ нуждахъ, въ рамкахъ

современнаго государственнаго и экономическаго порядка. Но правительство настолько опасается роста самосознанія народныхъ массъ, настолько подозрительно относится ко всякой личной и общественной иниціативѣ, что какъ будто нарочно дѣлаетъ все для того, чтобы вышибить этихъ мирныхъ культурныхъ работниковъ изъ той легальной колеи, въ которую они стараются ввести свое дѣло. Подозрительность и придирчивость администраціи ставить передъ ними роковую дилемму — или вѣчно подчиняться, спускаться по наклонной плоскости компромиссовъ, урѣзывая свою и безъ того скромную дѣятельность почти совершенно до нуля, — или перешагнуть за томъ порогъ, который отдѣляетъ легальную дѣятельность отъ нелегальной. Все больше и больше начинаютъ замѣчать эти дѣятели, стремящіеся стоять на строго-законной почвѣ, что они вертятся, какъ бѣлки въ колѣсѣ, борясь лишь съ немногими проявленіями зла и не касаясь его глубокихъ основаній. Все больше и больше замѣчаютъ они, какъ съуживаются рамки ихъ дѣятельности, какъ изъ ихъ работы вынимаютъ живую душу и оставляютъ лишь мертвенный остовъ; они начи-

наютъ замѣчать, что ихъ личная иниціатива сжата желѣзными тисками, что ихъ превращаютъ въ чиновниковъ, въ ничтожные винтики громаднаго механизма, въ которомъ имъ предоставлена чисто-служебная, исключительно пассивнная роль, а результаты ихъ работы заранѣе опредѣлены, и притомъ опредѣлены такимъ образомъ, что они остаются безъ всякаго рѣшающаго вліянія на общій ходъ дѣлъ. Правда, всегда и вездѣ находятся такія робкія, не-боевыя натуры, которыя готовы идти на какіе угодно компромиссы, на какія угодно пожертвованія въ дорогомъ для нихъ дѣлѣ, только для того, чтобы не оставлять тихой пристани строго-законной работы и не выплывать въ открытое, негостепріимное и бурное море революціонной борьбы; у которыхъ на всѣ правительственныя стѣсненія есть только одинъ отвѣтъ — покорно склонять голову. О нихъ мы не говоримъ. Но есть люди, которые дѣйствительно прежде всего дорожатъ дѣломъ, отдаются ему вполнѣ и беззавѣтно и не способны уложить лучшія стремленія своей души на прокустовомъ ложѣ дозволеннаго и одобреннаго министерскими циркулярами — короче, неспо-

собны превратиться въ „людей въ футлярѣ“. Въ ихъ душѣ неизбѣжно закипаетъ жажда широкаго и свободнаго активнаго дѣла, рвущагося вонъ изъ тѣсныхъ рамокъ „легальнаго“, и чѣмъ болѣе съуживаются эти рамки подъ вліяніемъ растущей реакціи, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ они эту потребность возмѣстить, пополнить невольные пробѣлы легальной работы систематической и сознательной работой нелегальной.

Но возможна ли при современныхъ условіяхъ нелегальная работа въ деревнѣ? могутъ насъ спросить. Не являются ли полицейскія условія для нея непреодолимымъ препятствіемъ — подводной скалой, о которую неминуемо разобьется въ самомъ началѣ всякая попытка революціонной агитаціи и пропаганды въ крестьянской средѣ? Что можно сдѣлать въ деревнѣ, гдѣ обычно чуть ли не всѣмъ односельчанамъ по дружбѣ или даже просто по сосѣдству извѣстны интимнѣйшія подробности жизни другъ друга; гдѣ каждый интеллигентный человѣкъ, будь то фельдшеръ, учитель, докторъ и т. п., у всѣхъ на виду; гдѣ отсутствуетъ всякая привычка, всякая способность къ конспираціи, и каждая новость, каждый

слухъ чуть не черезъ часъ облетаетъ все село и становится общимъ достояніемъ? Какъ при такихъ условіяхъ повести дѣло, чтобы не провалить его на первыхъ же порахъ, понапрасну запутавши и себя и другихъ? А если работа такъ трудна, то не лучше ли, при всѣхъ нашихъ благихъ пожеланіяхъ и симпатіяхъ къ деревнѣ, все таки просто на просто отказаться отъ такой работы въ виду массы жертвъ, неминуемо сопряженныхъ съ ней?

Менѣе, чѣмъ кто либо, мы желаемъ скрывать или затушевывать всю трудность революціонной работы въ деревнѣ. Мы глубоко убѣждены, что только въ томъ случаѣ возобновленіе такой работы и можетъ дать положительные результаты, когда за него возьмутся не искатели „легкаго“ дѣла, а жаждущіе посвятить свои силы чему нибудь важному, серьезному, хотя бы и новому; когда за него возьмутся люди, которые не отступятъ передъ необходимостью, если придется, самимъ ощупью прокладывать дорогу, а не только идти по чужимъ слѣдамъ; а главное, когда берущіеся за это дѣло будутъ заранѣе считаться со всѣми возможными трудностями,

со всѣми возможными препятствіями. Прежде всего не нужно никакихъ иллюзій, потому что ихъ неразлучнымъ спутникомъ всегда бываетъ чрезмѣрное разочарованіе и апатія. Если ужъ необходимы преувеличенія, то пусть лучше это будетъ преувеличенія въ противоположную сторону.

Итакъ, работа въ деревнѣ трудна, подводные камни, которыхъ нужно остерегаться, многочислены и опасны. Но если ужъ говорить о трудностяхъ и о жертвахъ, то нельзя удовольствоваться одной абсолютной, безотносительной оцѣнкой, а приходится прибѣгнуть къ сравнительной. Какой изъ видовъ революціонной работы, не труденъ? Какой не сопряженъ съ жертвами? Мы ужъ не говоримъ о террористической борьбѣ; общее мнѣніе согласно относительно того, что она требуетъ изъ ряда вонъ выходящихъ силъ и чисто-героическаго настроенія. Возьмемъ пропаганду въ войскахъ. Врядъ ли кто нибудь скажетъ и про нее, что она легче пропаганды среди крестьянства. Возьмемъ пропаганду среди рабочихъ. Общее мнѣніе довольно единогласно относительно того, что рабочее дѣло — это такое дѣло, которое имѣетъ будущее.

Но что говоритъ относительно пропаганды среди рабочихъ практики послѣднихъ лѣтъ? Она говоритъ, что именно тамъ, гдѣ эта работа ведется всего оживленнѣе, т. е. въ рабочей средѣ обѣихъ столицъ, условія работы сдѣлались необычайно трудными. Всѣ, извѣдавшіе эту работу на дѣлѣ, въ одинъ голосъ скажутъ, что тѣ чрезвычайныя полицейскія мѣры, которыя приняты правительствомъ для огражденія фабричнаго персонала отъ внѣшнихъ „вредныхъ вліяній", до крайности затрудняютъ сношенія съ рабочими; что въ виду этого поневолѣ приходится сводить числа интеллигентовъ, непосредственно сообщающихся съ обитателями фабричныхъ предмѣстій, къ самому крайнему minimum'у, какой только допускается предѣлами крайней необходимости; что самыя эти сношенія неизбѣжно приходится дѣлать чрезвычайно краткими и отрывочными; что только при этихъ условіяхъ и возможна сколько нибудь продолжительная и систематическая работа; что, наконецъ, вообще средній періодъ пребыванія пропагандиста „на дѣйствительной службѣ" въ рабочей средѣ столицъ — крайне коротокъ. Было бы однако, странно, если бы на этомъ

основаніи кто нибудь вздумалъ отрицать необходимость такой работы или умалять ея значеніе. Не то же ли надо сказать и относительно крестьянства, деревни? Вѣдь въ концѣ концовъ, легко только, какъ говорится „пущать революцію промежду себя", но и это невинное занятіе сопряжено въ наше время съ жертвами, и даже съ очень большими, если брать ихъ въ отношеніи къ результатамъ дѣятельности.

Вопросъ о трудности того или другого рода, той или другой отрасли революціонной работы есть вопросъ относительный. Когда партія Народной Воли перенесла центръ тяжести борьбы изъ деревень въ города, отъ пропаганды среди народа къ прямой непосредственной борьбѣ съ самодержавіемъ, то это тоже мотивировалось отчасти трудностью работы въ деревнѣ и массой жертвъ, съ которыми она была сопряжена. И мотивировка эта была совершенно правильна. Но значило ли это, что террористическій методъ борьбы былъ менѣе труденъ или стоилъ меньшихъ жертвъ? Конечно, нѣтъ. Это значило только, что при данномъ настроеніи деревни (сравнительно съ нынѣшнимъ — весьма не-

благопріятномъ) и при данной наличности интеллигентныхъ силъ (опять таки, сравнительно съ нынѣшней — очень небольшой) результаты этого рода дѣятельности въ общемъ итогѣ не окупали затрачиваемыхъ силъ. Итакъ работа была слишкомъ трудна и требовала слишкомъ много жертвъ сравнительно съ ея результатами; если настоящее сулитъ бо̀льшіе результаты на единицу прилагаемой силы, то, очевидно, соотвѣтственно приходится измѣнить и оцѣнку „трудности“ работы*).

---

*) Здѣсь кстати будутъ замѣтить, что партія Народной Воли никогда не отказывалась совершенно отъ революціонной пропаганды среди крестьянства. Въ инструкціи, которою руководилось мѣстныя группы, примыкавшія къ партіи („Подготовительная работа партіи Н. В.“) указывалось, что „мѣстныя группы должны заранѣе заручиться . . . вліяніемъ на крестьянство“ (Календарь Н. В. на 1883 г., стр. 128). Рекомендовалось для этого слѣдующее: „въ отношеніи крестьянства слѣдуетъ занимать мѣста, гдѣ возможно близкое соприкосновеніе съ массами, заслуживать ихъ уваженіе своимъ поведеніемъ, помогать имъ, защищать ихъ интересы. . . .“ „Не ведя массовой пропаганды, должно однако сходиться съ лучшими изъ крестьянъ, обращая ихъ по возможности

Чтобы избѣжать возможныхъ недоразумѣній, пожалуй, не будетъ неумѣстнымъ лишній разъ подчеркнуть здѣсь, что у насъ отнюдь не идетъ рѣчи о какомъ нибудь перенесеніи цен-

---

въ сознательныхъ сторонниковъ партіи, знакомя ихъ съ ея цѣлями" (тамъ же, стр. 129). Въ отдѣльныхъ случаяхъ уже тогда оказывалось возможнымъ идти дальше этого. „Двѣ мѣстныя группы — читаемъ мы въ томъ же „Календарѣ" — нашли возможнымъ вести энергическую агитацію на почвѣ аграрнаго вопроса и среди крестьянскаго населенія" (въ ст. П. Лаврова, стр. 113). Напомнимъ также про нѣсколько прокламацій къ крестьянству Исполнительнаго Комитета. Что касается современныхъ представителей народовольчества, то они, считаясь съ измѣнившимися обстоятельствами, идутъ дальше въ томъ же направленіи. „На этотъ разъ — пишетъ, напр. г. К. Тарасовъ въ „Матеріалахъ для исторіи с. революц. движенія" — и трудящіяся массы должны будутъ принять дѣятельное участіе въ движеніи. Рабочій въ большихъ центрахъ послужитъ точкой опоры для революціонной интеллигенціи и ферментомъ броженія въ народѣ. Разъ всколыхнутое море сѣраго крестьянства усилитъ своей громадной массой напоръ на правительство, и аграрный вопросъ явится, по всей вѣроятности, одной изъ яркихъ чертъ грядущаго политическаго и соціальнаго переворота". („Съ родины и на родину", № 5, стр. 396). Это и наше мнѣніе.

тра тяжести революціонной работы обратно, изъ города — въ деревню. Рѣчь идетъ просто о томъ, что соц.-революціонное движеніе не можетъ больше игнорировать своихъ задачъ по отношенію къ деревнѣ и крестьянству, подъ предлогомъ ли ихъ трудности, или же подъ предлогомъ какихъ бы то ни было абстрактныхъ, теоретическихъ построеній. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы утилизировать съ пользою для общаго соціально-революціоннаго движенія тѣ интеллигентныя силы, которыя или внѣшними условіями поставлены въ близость съ деревней и крестьянствомъ, или влекутся къ работѣ среди крестьянства всей совокупностью своихъ индивидуальныхъ способностей и склонностей; ибо несомнѣнно, что движеніе это должно быть достаточно широко, чтобы дать мѣсто въ своихъ рядахъ и утилизировать въ своихъ цѣляхъ всѣ разнообразныя индивидуальныя способности и склонности.

При обсужденіи вопроса объ относительной трудности работы въ деревнѣ (или для деревни, хотя бы изъ города) нужно принять во вниманіе еще два очень важныхъ соображенія. Во первыхъ, — несомнѣнный фактъ,

что, въ общемъ, въ провинціальныхъ городахъ жить и работать гораздо легче, чѣмъ въ крупныхъ центрахъ, такъ какъ въ провинціи система полицейскаго надзора до крайности груба и первобытна. И это неизбѣжно. Правительству сравнительно нетрудно установить въ пяти-шести самыхъ опасныхъ центрахъ превосходно организованную систему сыска, шпіонства и провокаторства, — хотя и это требуетъ съ его стороны колоссальныхъ денежныхъ затратъ. Но фактически распространить систему сколько нибудь аналогичной усиленной охраны на провинцію, вплоть до деревни включительно, — это предпріятіе совершенно немыслимое и неосуществимое. Здѣсь правительство можетъ быть выведено изъ затрудненія только добровольнымъ шпіонствомъ досужихъ обывателей, безкорыстно охраняющихъ „основы“.

Съ другой стороны, нынѣшняя деревня уже далеко не та патріархальная деревня, въ которой сосѣдская дружба охватывала одинаково всѣхъ обывателей и превращала ихъ въ одну семью, живущую одной жизнью, безъ тайнъ и секретовъ другъ отъ друга. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ современная деревня

довольно рѣзко дѣлится на два лагеря. Одинъ — это „станъ ликующихъ“, центръ котораго занимаютъ главные заправила и воротилы деревни (какъ денежные, такъ и административные), и другой — станъ угнетенныхъ и обиженныхъ, на лѣвомъ флангѣ котораго стоятъ мужики — протестанты, „мірскіе люди“, упорствующіе и закоренѣлые „смутьяны“ и „коноводы“, вѣчные кандидаты на скамью подсудимыхъ за „сопротивленіе властямъ“ или „оскорбленіе при исполненіи служебныхъ обязанностей“. Факты единоличныхъ, партизанскихъ и групповыхъ, коллективныхъ аграрныхъ преступленій, которыми такъ богаты послѣдные годы, показываютъ, насколько обострены отношенія между двумя этими лагерями*), а трудность раскрытія виновныхъ наглядно свидѣтельствуетъ о той круговой порукѣ молчанія, которою умѣетъ покрывать виновныхъ сочувствующая имъ часть деревни. Вообще мнѣніе, что крестьяне неспособны къ

*) Характеренъ въ этомъ отношеніи возникшій въ послѣднее время проэктъ обезопасить волостныя власти отъ поджоговъ и т. п. предоставленіемъ имъ привилегіи страховать свое имущество по полной оцѣнкѣ и пр.

сколько нибудь широкой организаціи, не умѣютъ держать языкъ на привязи, хранить про себя своихъ мыслей, словомъ вообще неспособны конспирировать, — это мнѣніе совершенно несостоятельно или по меньшей мѣрѣ является запоздалымъ и устарѣвшимъ. Наглядным его опроверженіемъ можетъ служить хотя бы примѣръ новѣйшихъ религіозныхъ сектъ, у членовъ которыхъ вы встрѣтите вполнѣ выработанныя конспиративныя вривычки, при наличности самыхъ широкихъ связей и оживленныхъ сношеній между единовѣрцами, живущими даже въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Нельзя сомнѣваться, что идеи борьбы за народныя права, народную волю и народное счастье по меньшей мѣрѣ смогутъ такъ же тѣсно и прочно сплачивать протестующіе элементы крестьянства, какъ и туманныя религіозныя идеи о значеніи таинствъ и обрядовъ, святости или несвятости иконъ и храмовъ или авторитетѣ духовной іерархіи. . .

Какъ бы то ни было, работа въ деревнѣ— дѣло нелегкое, но необходимое. Его трудность лежитъ не только во внѣшнихъ условіяхъ, но и въ самомъ внутреннемъ суще-

ствѣ. Трудность эта еще усугубляется слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ настоящее время всѣ, желающіе будить и развивать политическое сознаніе деревни — выходятъ ли они изъ среды сознательныхъ революціонеровъ, или изъ среды прежнихъ мирныхъ культурниковъ, или изъ среды распропагандированныхъ рабочихъ — всѣ они, работая въ деревнѣ, предоставлены самимъ себѣ, своимъ личнымъ силамъ. Они изолированы другъ отъ друга и каждый вынужденъ ощупью, самъ для себя пробивать дорогу, не зная ни своихъ предшественниковъ, ни работающихъ одновременно на томъ же поприщѣ естественныхъ сотрудниковъ. Общій, коллективный опытъ — въ томъ числѣ и накопленный опытъ историческій — для нихъ большею частью не существуетъ. Мудрено-ли, что ихъ трудъ „подвигается робко, крупицами", что онъ не даетъ разомъ безспорныхъ, для всѣхъ осязательныхъ результатовъ?

У современнаго пропагандиста въ народной средѣ весь агитаціонный и пропагандистскій матеріалъ долженъ помѣщаться въ его собственной головѣ. Каждый долженъ поодиночкѣ самъ для себя его собирать, группиро-

вать, обрабатывать, помнить, умѣть цѣликомъ изложить, — потому что кромѣ собственныхъ умственныхъ силъ у него нѣтъ никакого оружія, никакого вспомогательнаго средства пропаганды. Нелегальной литературы для крестьянства у насъ совсѣмъ нѣтъ, а легальная необходимо слаба, робка, о тысячѣ предметовъ совсѣмъ не можетъ говорить, о многихъ даже весьма невинныхъ вещахъ можетъ говорить лишь полусловами, полунамеками. Между тѣмъ за послѣднее время получаетъ громадное развитіе ультра-тенденціозное издательство реакціоннаго лагеря, какъ Постоянной Комиссіи Народныхъ Чтеній, Березовскаго, Богдановича, Общества распространенія полезныхъ книгъ и т. п. Для публичныхъ народныхъ чтеній, безплатныхъ библіотекъ и читаленъ разрѣшаются главнымъ образомъ книги этого сорта, старательно сѣющія и подогрѣвающія въ народныхъ массахъ чувства національной и религіозной исключительности, квасного патріотизма, рабскаго благоговѣнія передъ властью. Для нихъ создается на рынкѣ монопольное положеніе. Они распространяются массами. Лучшая часть легальной литературы для народа, скованная до болезнен-

ности подозрительной цензурой, можетъ служить лишь слабымъ противовѣсомъ этому вліянію. — Конечно, есть кое что, что сильнѣе всякихъ фальшиво-благонамѣренныхъ брошюръ, — это сама жизнь, неудержимо толкающая крестьянина впередъ. Но можно помогать этому вліянію жизни и можно тормозить его . . . .

Что же дѣлается нами для этой помощи? Ровно ничего. Со времени 70-хъ годовъ не появилось ни одной новой агитаціонной брошюры для крестьянства, мало того — даже ни одной попытки переработать, приспособить къ новому времени старыя брошюры. Нечего и говорить, до какой степени устарѣли эти послѣднія. Наше знаніе народной жизни съ тѣхъ поръ такъ далеко ушло впередъ, что напр., намъ и въ голову не пришло бы говорить съ народомъ такимъ дѣланнымъ, неестественнымъ, вымученнымъ языкомъ, какимъ написаны иныя изъ этихъ брошюръ. Кромѣ того, большинство ихъ проникнуто столь рѣзкимъ бунтарскимъ духомъ, что онѣ совершенно непригодны теперь, когда мы смотримъ на крестьянина трезвыми глазами, когда мы прежде всего хотимъ поднять уровень его са-

мосознанія, а не просто разбудить въ немъ дремлющаго „инстинктивнаго революціонера“, безсознательно предвосхитившаго въ тайникахъ своей души всѣ конечные идеалы общечеловѣческаго прогресса. Современная революціонная работа должна въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ прежде, быть работой к у л ь т у р н о-революціонной, о б р а з о в а т е л ь н о-революціонной. Ея ближайшею цѣлью должно быть подготовленіе изъ наиболѣе активныхъ и интеллигентныхъ личностей, выдвигаемыхъ самою народною средой — сознательныхъ революціонеровъ, борцовъ за мірской, общественный интересъ, руководителей крестьянства во всѣхъ его умственныхъ и общественныхъ движеніяхъ. Эта, выдвигаемая самимъ народомъ своеобразная „народная интеллигенція“ можетъ явиться прочнымъ связующимъ и передаточнымъ звеномъ между городомъ и деревней. Революціонная интеллигенція города, городской „мыслящій пролетаріатъ“ можетъ и долженъ лишь н а ч а т ь революціонную работу въ деревнѣ, а затѣмъ уже она естественнымъ образомъ перейдетъ въ руки передовыхъ крестьянъ, будетъ ими продолжена и доведена до конца. Они, будучи

плотью отъ плоти и костью отъ костей сермяжной земледѣльческой массы, несомнѣнно, гораздо лучше всякаго городского „мыслящаго пролетарія“ съумѣютъ приспособить революціонную тактику къ всевозможнымъ мѣстнымъ условіямъ, связать ее съ насущными, сознаными потребностями массъ, приспособить ее къ ихъ уровню пониманія, къ ихъ психологіи, выясняя отвлеченныя идеи не голой логической аргументаціей, а методомъ нагляднаго обученія, на фактахъ живой окружающей дѣйствительности . . . *). Только тогда, когда народъ изъ собственной среды выдвинетъ руководителей своихъ движеній; только тогда, когда интеллигенція изъ центра агитаціи превратится въ могучій своими знаніями, своимъ умственнымъ капиталомъ вспомогательный органъ для движенія, съумѣвшаго встать и стоять на своихъ собственныхъ ногахъ — только тогда революціонное дѣло

---

*) Вопросу о пріемахъ пропаганды и агитаціи въ деревнѣ, о способахъ которыми можно къ нимъ приступить, вообще о технической сторонѣ этого дѣла мы разсчитываемъ поговорить подробно въ особомъ выпускѣ.

въ деревнѣ можно считать упроченнымъ, только тогда оно будетъ вполнѣ зрѣлымъ плодомъ союза идеи съ жизнью. Нечего и говорить, какъ далеки мы теперь отъ такого положенія. Нечего и говорить, что во всемъ своемъ объемѣ эта задача общественно - интеллектуальной эмансипаціи крестьянства врядъ ли можетъ быть достигнута при современныхъ политическихъ условіяхъ Россіи. Но несомнѣнно также и то, что въ предѣлахъ, допускаемыхъ условіями переживаемаго историческаго момента, мы должны революціонизировать деревню и сейчасъ, мы должны и сейчасъ заручиться тамъ энергическими и вліятельными сторонниками, которые въ критическій моментъ — моментъ рѣшительнаго столкновенія между силами реакціи и революціи въ городѣ, — съумѣли бы или оказать прямую поддержку дѣлу свободы, или по крайней мѣрѣ нейтрализовать противоположныя тенденціи.

Мы глубоко убѣждены, что будущее въ Россіи можетъ принадлежать только такой партіи, которая съумѣетъ найти точку опоры для борьбы не только въ городѣ, но и въ

деревнѣ; которая съумѣетъ въ своей программѣ гармонически слить воедино представительство и защиту интересовъ фабрично-заводского рабочаго класса и массы трудового крестьянства. Безъ всякой опоры въ крестьянствѣ, — а тѣмъ болѣе п р о т и в ъ е г о в о л и — никакая революціонная партія не сможетъ нанести въ Россіи серьезнаго, рѣшительнаго удара буржуазно-капиталистическому режиму, который умѣетъ у насъ мирно уживаться вмѣстѣ съ обломками дворянско-крѣпостной эпохи подъ крылышкомъ русскаго абсолютизма. Таково, повторяемъ, наше глубокое убѣжденіе.

Ясно, что современная, нынѣ предстоящая намъ работа въ крестьянской средѣ никоимъ образомъ не можетъ просто копировать или повторять работу 70-хъ годовъ. И прежде всего она должна быть глубже, серьезнѣе, должна помогать органически совершающейся переработкѣ, эволюціи народнаго міросозерцанія. Немудрено поэтому, что изъ всей массы агитаціонной нелегальной литературы для крестьянства, появившейся въ 70-хъ гг., могутъ пригодиться и для настоящаго времени

всего лишь двѣ-три брошюры, да и то подъ условіемъ значительныхъ и коренныхъ измѣненій. Не надо забывать, что агитаціонная нелегальная литература должна являться до извѣстной степени живымъ образчикомъ того, какъ, какимъ языкомъ, какими аргументами обращаться къ среднему крестьянину. Нелегальная литература для народа должна быть источникомъ, изъ которой пропагандистъ — возвратившійся въ деревню рабочій, выдающійся по уму и энергіи крестьянинъ, попавшій въ деревню интеллигентъ — могъ бы черпать готовый, собранный и обработанный матеріалъ для доказательства проводимыхъ идей.

Мы сказали, что задачи современной литературной проганды среди крестьянъ должны быть возможно болѣе широки и всеобъемлющи. Крестьянству нужно дать понятіе, во первыхъ, о томъ, какъ и почему приходится ему терпѣть отъ современнаго экономическаго и государственнаго строя: надо дать ему понятіе о реформѣ 1861 года не въ томъ фальшиво-идеализированномъ свѣтѣ, въ какомъ ее рисуютъ разныя благонамѣренныя консервативныя и либеральныя брошюрки, а въ ея на-

стоящемъ, неподкрашенномъ видѣ; надо выяснить крестьянину, во что ему обошлась его земля; надо выяснить ему сущность выкупной операціи, благодаря которой онъ въ настоящее время въ третій разъ выплачиваетъ данную ему государствомъ ссуду; надо выяснить ему сущность нашей податной системы и показать ему истинные размѣры суммы выплачиваемыхъ имъ ежегодно прямыхъ и косвенныхъ налоговъ; дать ему критику современнаго положенія продовольственнаго и переселенческаго дѣла; надо показать ему, сколько ненужнаго горя создаютъ наши уголовные законы, какую роль играетъ армія и т. д., и т. д. Надо развить передъ нимъ идею національзаціи земли и общественной, планомѣрной, соціалистической организаціи производства. Надо выяснить ему идею выборнаго начала, самоуправленія и раздѣленія властей во всемъ ея объемѣ, и дать съ этой точки зрѣнія критику всего нашего административнаго и государственнаго устройства, начиная отъ сельскихъ и волостныхъ властей и кончая министрами и самимъ главою государства. Надо выяснить противоположность интересовъ крестьянина, какъ са-

мостоятельнаго производителя, какъ арендатора и какъ наемнаго рабочаго, съ интересами крупныхъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ. Надо научить крестьянина пріемамъ экономической и политической борьбы, ознакомивъ его съ опытомъ западно-европейскихъ странъ. Надо дать крестьянину понятіе и объ ирландскомъ аграрномъ движеніи съ его аграрнымъ терроромъ, бойкотомъ, парламентской борьбой, лигами крестьянъ и арендаторовъ для борьбы съ лэндлордами; съ тайными крестьянскими союзами Венгріи и Сициліи, со стачками венгерскихъ, голландскихъ и датскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, съ Bauernbund'ами Германіи, Бельгіи и Голландіи, съ возстаніями крестьянъ въ Румыніи и Сициліи, съ Базелландскимъ крестьянско-рабочимъ союзомъ Швейцаріи и т. д., и т. д. Надо дать крестьянину ясное понятіе о современномъ рабочемъ движеніи, его цѣляхъ, его средствахъ борьбы, его ростѣ и успѣхахъ; надо выяснить ему солидарность интересовъ трудящейся крестьянской массы съ интересами городского пролетаріата и вытекающую отсюда необходимость ихъ объединенія

и дружной совокупной борьбы противъ общихъ враговъ. Надо дать крестьянамъ понятіе о томъ, что уже сдѣлано на этомъ поприщѣ сближенія съ крестьянствомъ со стороны соціалистическихъ рабочихъ партій Франціи, Бельгіи, Голландіи, Баваріи, Галиціи и др. Со всѣмъ этимъ, по возможности, долженъ быть знакомъ пропагандистъ, имѣющій объектомъ своей работы деревню; со всѣмъ этимъ, по возможности, необходимо ознакомить передовыхъ, энергичнѣйшихъ крестьянъ и отправляющихся въ деревню сознательныхъ рабочихъ. А помимо живого слова все это можно сдѣлать почти исключительно при помощи нелегальной печати, — легальная говорить обо всемъ этомъ достаточно яснымъ для народа языкомъ, конечно, не можетъ.

Все это, однако, лишь одна сторона дѣла. Съ другой стороны нужна живая помощь дѣломъ тѣмъ активнымъ натурамъ, которыхъ выдвигаетъ сама деревня. Нужно помогать имъ поднять упавшій духъ крестьянства, его активность, его сплоченность, способность къ борьбѣ и сопротивленію, настойчивость, твердость и осторожную, цѣлесообразную выдер-

жанность въ борьбѣ за свои права. Нужна, словомъ, организація активныхъ народныхъ силъ для живого дѣла, для агитаціи на почвѣ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ и временныхъ нуждъ, сознаваемыхъ всею массою трудового крестьянства; нужна организація массовой борьбы, массового протеста, облеченнаго, гдѣ это возможно, даже въ законныя формы — чтобы дѣятельнымъ участникомъ въ нихъ могъ быть самый послѣдній, заурядный крестьянинъ, на котораго такого участіе будетъ дѣйствовать ободряющимъ образомъ, поднимая его сознаніе своего человѣческаго достоинства, его вѣру въ себя, въ свои силы, классовой, мірской, артельный духъ. Нужна организація этихъ силъ для экономической борьбы съ сосѣдними помѣщиками, съ мѣстными кулаками и міроѣдами, съ злоупотребленіями сельскихъ и волостныхъ властей, наконецъ, для борьбы за интересы крестьянскаго общества противъ произвола земскихъ начальниковъ и тому подобныхъ маленькихъ самодержцевъ-администраторовъ. Все это можетъ быть отличной школой общественной самодѣятельности, способности сплоченно,

дружно стоять другъ за друга и дѣйствовать скопомъ.

Конкретныя средства борьбы крестьянства со своими врагами на поприщѣ экономическихъ, аграрныхъ, и юридическихъ, правовыхъ отношеній, во первыхъ, не могутъ быть изобрѣтены головою, въ кабинетномъ уединеніи, а могутъ быть продиктованы только жизнью, и во вторыхъ — они не могутъ быть повсюду одинаковыми, а могутъ и должны безконечно разнообразиться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Народъ самъ постоянно вырабатываетъ эти средства своимъ горькимъ опытомъ, и эта выработка пойдетъ только быстрѣе и сознательнѣе, когда она перейдетъ въ руки организованныхъ крестьянскихъ союзовъ или „братствъ“, которые будутъ пользоваться при этомъ не только своимъ личнымъ опытомъ, но и коллективнымъ историческимъ опытомъ Россіи и Западной Европы. Пріобщить активныхъ людей деревни къ этому опыту является ближайшей задачей революціонно и культурно работающей интеллигенціи. Такой союзъ интеллигенціи и народа — и только онъ одинъ — можетъ превратить

современныя стихійныя народныя движенія въ сознательныя и направить ихъ на разумный путь. И только союзъ рабочихъ людей города и деревни представитъ собою достаточную реальную силу для того, чтобы сломить силу современнаго порядка и подготовить торжество идеаловъ соціализма и революціи.

Идея о необходимости и своевременности революціонной работы, имѣющей въ виду деревню, — не намъ однимъ принадлежитъ. Она неоднократно высказывалась за послѣдніе годы такими ветеранами революціоннаго дѣла, какъ П.Лавровъ*) и С. Степнякъ**). Та же мысль положена въ основу аграрной программы, намѣченной въ Россіи на съѣздѣ соціалистовъ-революціонеровъ (августъ 1898 г.). Та же идея, наконецъ, проскальзываетъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ нелегальной литературы послѣдняго времени***). Поэтому

---

*) П. Лавровъ, „Изъ рукописей 90-хъ годовъ".

**) С. Степнякъ, „Чего намъ нужно" и „Начало конца".

***) См. статьи Чемизова въ Листкахъ Лондонскаго Фонда Вольной Русской Прессы, многія статьи

мы надѣемся, что всѣ русскіе соціалисты, безъ различія направленій, съ сочувствіемъ отнесутся къ дѣлу возобновленія соціально-революціонной работы въ деревнѣ, выдвигаемому нами на очередь.

Потребность въ немъ очевидно назрѣла. Мы вѣримъ, что лучшія интеллигентныя силы Россіи не захотятъ уйти отъ требованій жизни, замкнувшись отъ нихъ въ непроницаемую броню кабинетной доктрины или скрывшись подъ сѣнью дряблаго пессимизма. Когда народъ страдаетъ, мретъ и пухнетъ отъ голода, — находятся люди, отдающіе на

въ органѣ заграничнаго союза соціалистовъ-революціонеровъ „Русскій Рабочій". Судя по нѣкоторымъ статьямъ въ заграничномъ органѣ соціальдемократовъ „Рабочемъ Дѣлѣ", и эти послѣдніе въ настоящее время гораздо сочувственнѣе относятся къ идеѣ работы въ деревнѣ, чѣмъ раньше. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что идея о необходимости союза городского пролетаріата и крестьянства особенно подчеркивается въ газетѣ „Рабочее Знамя" — лучшемъ, по нашему мнѣнію, опытѣ соціалистической газеты для рабочихъ (къ сожалѣнію, кратковременномъ).

служеніе ему свои силы, стремящіеся къ нему на помощь, идущіе лѣчить и кормить его. Но вѣдь всѣ эти голодовки, всѣ эти эпидеміи, всѣ эти народныя страданія — все это лишь симптомы общаго, глубоко лежащаго соціальнаго зла; борьба съ ними составляетъ лишь палліативъ, — правда необходимый палліативъ, но все таки палліативъ. Никакіе благотворители въ мірѣ не помогутъ народу, не смогутъ исцѣлить его язвы, если онъ самъ себѣ не съумѣетъ помочь, не съумѣетъ отвоевать себѣ лучшей доли. Неужели же та самая интеллигенція, которая такъ беззавѣтно отдается этой палліативной работѣ, не протянетъ крестьянину руку помощи и въ другомъ, болѣе важномъ и великомъ дѣлѣ — дѣлѣ его духовнаго и политическаго пробужденія?

Мы не хотимъ, не можемъ этому вѣрить. Мы вѣримъ, что работники явятся — а дѣла передъ ними много . . . . Въ рабочемъ людѣ деревни такъ же, какъ и въ рабочемъ людѣ города, таится много здоровыхъ, свѣжихъ жизненныхъ силъ, и эти силы взываютъ о помощи. Въ деревнѣ, какъ и въ городѣ,

Рыхлая почва готова —
Сѣйте жъ, покуда весна!
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена!

Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ГОСПОДА ОБМАНОВЫ

А. Амфитеатрова

(Old Gentleman)

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Цѣна 1 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

МЫСЛИ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Собранныя

Владиміромъ Чертковымъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ

Цѣна 1 м. 50 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Изъ

революціонной русской литературы

I.

1901-ый годъ въ Россіи. — Финляндскія событія. Памяти народной воли. — Военщина противъ гражданъ. — О демонстраціяхъ. — Какъ царь и его министры правятъ Россіей.

Цѣна 3 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

РОССІЯ НАКАНУНѢ ДВАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

* * *

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 2 мар.